

Цзян Цинъюэ изначально вообще не собиралась приходить.

Но стоило ей услышать от А-Ли, что Жуань Ихань тяжело заболела, как она сорвалась с места быстрее ветра.

Сейчас ее спина была насквозь мокрой от пота, а выразительные, красивые глаза в упор разглядывали подругу.

Красота Цинъюэ была иной — броской, дерзкой, даже вызывающей.

Она разительно отличалась и от Жуань Ихань, и от Цинь Хайяо. Обладая взрывным, импульсивным характером, она не знала полумер: если любила, то до безумия, если ненавидела — раз и навсегда, без лишних сожалений.

А-Ли выманила ее прямо из художественной студии, так что Цзян даже переодеться не успела. На ней была простая голубая клетчатая рубашка, заправленная в джинсы, каштановые волосы с яркими прядями слегка растрепались, а пухлые алые губы скривились в кокетливой, но недовольной усмешке.

— Что за шуточки? — резко спросила она, и в ее взгляде вспыхнула ярость. — Ты решила со мной поиграть?

Ихань совершенно не выглядела больной.

Цзян Цинъюэ обернулась и испепелила А-Ли взглядом:

— Жить надоело?

А-Ли виновато и испуганно посмотрела на хозяйку, но та лишь мягко рассмеялась и махнула рукой:

— Иди, А-Ли.

После своего перерождения Ихань почти не улыбалась.

Но сейчас, глядя на эту вспыльчивую, такую родную и знакомую подругу, она почувствовала, как к сердцу подкатывает тепло.

— Юэюэ, присаживайся сюда.

Имя «Юэюэ» заставило Цзян Цинъюэ вздрогнуть. Она замерла на месте, во все глаза глядя на

Жуань Ихань.

Ихань тепло улыбнулась. Она подошла к холодильнику, достала пакет со спелой черешней, которую так любила подруга, тщательно вымыла ягоды и поставила тарелку перед ней.

Циньюэ переводила ошеломленный взгляд то на ягоды, то на Ихань, и наконец не выдержала:

— У тебя что, крыша поехала? Извилины застудила?

Ихань продолжала улыбаться, хотя глаза ее подозрительно заблестели от подступивших слез.

Ей вспомнилось прошлое. То, прежнее прошлое, до перерождения.

Когда ее, А-Ли и бабушку преследовали, загоняя в угол словно диких зверей. У них не оставалось ничего — даже паршивой машины, чтобы сбежать. И тогда приехала Цзян Циньюэ на своем тяжелом внедорожнике.

В тот день Ихань, едва удерживая обессиленную бабушку, чувствовала, как внутри все вымерзает от отчаяния. А Циньюэ — с сигаретой в зубах, с растрепанными волосами, за рулем огромного джипа — выглядела невероятно крутой и сильной.

Когда они встретились снова в той жизни, Ихань уже не была баловнем судьбы. Она превратилась в жалкую, раздавленную тень самой себя, лишенную всякой надежды.

Циньюэ долго молча смотрела на нее, а потом просто швырнула ключи на стол.

— Держи, — коротко бросила она. — Там внутри еда, вода и теплое одеяло.

Тогда уже все знали, что семьи Жуань и Цинь стали заклятыми врагами. Никто и близко не смел подходить к опальному семейству.

Ихань покачала тогда головой:

— Не нужно, Юэюэ. Я что-нибудь придумаю сама.

Цинь Цинь была беспощадна. Она не оставляла им путей к спасению, и любого, кто осмеливался протянуть Жуань Ихань хотя бы руку помощи, ждала жестокая расправа.

Цзян Циньюэ прекрасно это понимала. Она лишь горько усмехнулась:

— Не переживай. Мои родители уехали за границу. Каким бы сильным ни было ее влияние, так далеко ее щупальца не дотянутся.

Ихань промолчала, опустив глаза. На душе у нее было темно и глухо.

— Но ведь ты сама еще не уехала...

Циньюэ помолчала, глядя на нее, а затем подошла и крепко, надежно обняла, тихонько похлопывая по спине.

— А-Хань, не смей сдаваться. У тебя все еще есть бабушка.

Это было самое болезненное, самое уязвимое место в ее израненной душе. От этих слов слезы сами хлынули из глаз Ихань.

Циньюэ ласково погладила ее по волосам и тихо рассмеялась:

— И вообще, чего ты так раскисла? На тебя не похоже. Знаешь... когда моя семья обанкротилась, когда родители рухнули с самой вершины, а я сама оказалась на дне этой пропасти и не видела выхода... Знаешь, почему я тогда не сдалась?

Ихань подняла на нее глаза. Циньюэ никогда раньше не говорила об этом.

В каштановых глазах подруги светилась абсолютная искренность:

— Из-за тебя, А-Хань. Поэтому я никуда не уйду. Я всегда буду здесь.

Воспоминания до сих пор отдавали нежностью и солеными слезами. Ихань посмотрела на подругу:

— Юэюэ, переходи ко мне в компанию. Твое увлечение свободной живописью — штука ненадежная.

На Ихань было глянцево-черное платье, перехваченное на талии контрастной красной лентой, которая подчеркивала ее невероятную, почти хрупкую изящность. Она смотрела на Цзян Циньюэ с предельной серьезностью и теплотой, а полуденный свет, падающий из окна, мягко очерчивал ее профиль золотистым контуром.

Они дружили с самого детства, и даже после долгих лет разлуки должны были понимать друг

друга с полуслова. Но в этот миг Циньюэ вдруг показалось, что перед ней стоит совершенно чужой человек.

— Какая муха тебя укусила? — опешила она. — С какой стати я должна работать на тебя? Сама же знаешь, какой из меня управленец. Да и зачем мне это?

Она оставалась гордой до мозга костей. Даже банкротство семьи не смогло сломить ее дух. Ее жизнь свободного художника была легкой и спонтанной: машина, мольберт и бескрайние дороги. Это было во сто крат приятнее, чем когда-то изображать из себя благовоспитанную наследницу.

Ихань мягко возразила:

— А если я тебя очень прошу?

Циньюэ уставилась на нее в полном недоумении. Что с ней творится? Ихань с детства была упрямой и заносчивой, они постоянно вздорили, не желая уступать ни в чем. Но сейчас...

— Госпожа Жуань решила проявить ко мне жалость? — голос Циньюэ заметно похолодел. Слово «жалость» она презирала больше всего на свете.

Ихань вдруг тепло улыбнулась. Она подошла ближе, слегка наклонилась и нежно обняла подругу:

— Юэюэ, просто будь рядом. Помоги мне.

Она опустила голос до едва различимого шепота:

— В этом мире... я могу доверять только тебе.

Цзян Циньюэ уставилась на нее так, словно перед ней стоял инопланетянин. Щеки ее густо покраснели, и в следующее мгновение она буквально вылетела из кабинета, спасаясь бегством.

Она так и не дала Жуань Ихань четкого ответа.

Но молодая хозяйка группы «Ифэн» была абсолютно уверена: подруга вернется и протянет ей руку помощи.

Циньюэ была умна. Возможно, сейчас ей не хватало деловой хватки, но со временем она обязательно станет ее верной опорой и правой рукой.

Цинь Цинь внедрила в компанию бесчисленное множество шпионов, будучи патологически подозрительной и осторожной. Ихань не могла избавиться от них всех одним махом. Единственный путь — действовать постепенно, шаг за шагом заменяя ключевые фигуры теми, кому она верила безраздельно.

Около полудня в офис явился Аллен — личный мастер маникюра госпожи Жуань. Покачивая ухоженными пальцами с безупречными ногтями, он жеманно прикрыл рот ладонью и обошел кабинет по кругу:

— Боже мой, А-Хань, это просто потрясающе! Глазам своим не верю! Не виделось всего пару дней, а ты уже заправский босс! Настоящий президент!

Ихань лежала на диване, безучастно глядя в потолок и думая о чем-то своем. Это отрешенное выражение лица в последнее время почти не сходило с нее.

Аллен, завершив свой триумфальный обход, наконец повернулся к ней:

— Ну что, моя дорогая госпожа президент? Какой цвет выберем сегодня? Как насчет глубокого винного? Мне кажется, он сейчас идеально подчеркнет твою властную ауру.

Ихань медленно повернула голову и глухо произнесла:

— Сними все. Оставь чистые ногти.

— Снять? — Аллен опешил. — Но почему?

Только на прошлой неделе он сделал ей изумительный градиентный фиолетовый — строгий, но в то же время невероятно соблазнительный оттенок.

Ихань ответила абсолютно спокойно:

— Моим рукам теперь предстоит совсем другая работа.

По сути, все утро молодая наследница Жуань занималась откровенной ерундой. Сначала вела пустые разговоры с обанкротившейся художницей, потом болтала с манерным мастером маникюра.

Цинь Цинь, выслушав доклад своего шпиона, удовлетворенно кивнула:

— Куда она направилась теперь?

Секретарь Янь почтительно доложил:

— Сказала, что едет по делам вместе с А-Ли. Я уже отправил за ними людей.

Цинь Цинь пренебрежительно усмехнулась:

— По делам с А-Ли?

Она небрежно махнула рукой:

— Отзови людей. Не нужно следить.

Слишком плотная слежка могла выдать их, а риск не стоил свеч. Какие у нее могут быть дела с этой девчонкой? Наверняка просто поехали развлекаться.

Ихань действительно поехала развлекаться. Вот только ее путь лежал к захудалому спальному району на окраине города, причем для этой поездки она специально пересела в неприметный, серый «Бьюик».

Она осталась сидеть в машине, лишь слегка приоткрыв окно, и молча курила одну сигарету за другой.

Раньше А-Ли, хоть и была подчиненной, общалась с Ихань на равных, делилась любыми мыслями. Но теперь, когда подруга возглавила корпорацию, между ними пролегла невидимая, но непреодолимая пропасть. А-Ли даже не решилась спросить, зачем они приехали в эти трущобы.

Они прождали ровно час.

Наконец А-Ли заметила знакомую фигуру. Это была молодая госпожа Цинь.

Нужно признать, Цинь Хайяо была ослепительно красива. За годы работы в индустрии развлечений А-Ли навидалась немало признанных красавиц и звезд первой величины, но Хайяо обладала совершенно особенным, неуловимым шармом.

Очевидно, она только что вернулась из школы на обеденный перерыв. На ней был мягкий молочно-белый свитер, выгодно оттенявший ее безупречную, словно светящуюся изнутри кожу. Нежный профиль, легкая улыбка на губах, стопка книг в руках — она выглядела удивительно безмятежной.

Навстречу ей весело выбежала девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Завидев Хайяо, она крепко обняла ее и быстро замахала руками, показывая что-то на языке жестов.

Хайяо ласково улыбнулась, нежно погладила сестру по голове, и они вместе вошли в подъезд.

А-Ли изумленно застыла. Судя по всему, девочка была немой. Через зеркало заднего вида она осторожно взглянула на Ихань.

Но та даже не шелохнулась. Спустя пару секунд она коротко бросила:

— Возвращаемся.

Машина бесшумно тронулась с места.

Лишь когда «Бьюик» скрылся за поворотом, Цинь Хайяо медленно вышла из тени темного подъезда, где стояла все это время. Она проводила удаляющийся автомобиль долгим взглядом. Ее брови слегка сошлись на переносице, а в глазах промелькнуло недоумение.

Младшая сестра легонько потянула ее за рукав, быстро жестикулируя и спрашивая, на что она смотрит.

Хайяо тепло улыбнулась:

— Ничего особенного, показалось, что видела знакомого. Пойдем, папа с мамой наверняка уже приготовили обед.

Хайяо с самого детства росла в этой приемной семье.

Ее приемные родители были простыми, добродушными людьми, когда-то преданно служившими дому Цинь. За долгие годы они привязались к Хайяо как к родной дочери и буквально носили ее на руках.

Цинь Цинь приезжала сюда крайне редко, лишь изредка навещая дочь по праздникам.

Позже у супругов родилась собственная дочь — Цинь Момо. Но судьба оказалась жестокой: в прошлом году после тяжелой болезни девочка полностью лишилась голоса. Все это время семья металась по стране в поисках врачей, растратив практически все свои скромные сбережения. Если бы не регулярная финансовая помощь от Цинь Цинь, они бы давно пошли по миру.

В квартире их встретил уютный, аппетитный аромат домашней еды.

Хайяо вымыла руки и заглянула на кухню:

— Что у нас сегодня на обед?

Отец, Цинь Шань, вышел ей навстречу и протянул стакан прохладной воды:

— Мать заладила, что ты на новой работе совсем измоталась, и обязательно нужно приготовить рыбу.

— Это кто тут еще жалуется? — из кухни с лопаткой в руках воинственно показалась мать, Хуан Лань. Она строго посмотрела на мужа: — Подумаешь, забрала твой улов! Твоя рыба важнее здоровья дочери?

Цинь Шань лишь безропотно промолчал.

Хайяо тихонько рассмеялась.

Младшая сестренка, Момо, стоя рядом, беззвучно хихикала, зажав рот ладошкой — до безумия милая и послушная девочка.

Вся семья уселась за стол. Цинь Шань достал бутылку крепкого алкоголя, которую давно берег для особого случая:

— Ну, давайте! За нашу Хайяо, которая совсем скоро станет официальным преподавателем. За твое будущее, дочка!

Четыре стопки со звоном соприкоснулись. Пусть обед был простым, за столом царил искреннее, неподдельное счастье.

Посреди обеда Хуан Лань, чьи щеки слегка порозовели от хмеля, внимательно посмотрела на Хайяо:

— Сяо Хай...

Девушка как раз аккуратно отделяла кости от нежного рыбного филе для младшей сестры:

— Да, мам?

Она подняла глаза на мать. Та заметно колебалась, а отец сидел рядом, низко опустив голову над своей стопкой и храня тяжелое молчание.

Хайяо отложила палочки:

— Что-то случилось?

На мгновение в комнате повисла гнетущая тишина.

Хуан Лань мягко обратилась к Момо:

— Момо, доченька, сходи на кухню, положи маме еще риса.

Девочка послушно кивнула, взяла пиалу и убежала.

Как только шаги Момо затихли, Хуан Лань приглушенным, дрожащим голосом произнесла:

— Сяо Хай... мы с отцом решили прекратить лечение Момо.

Они сделали все, что было в их силах. Теперь, когда старшая дочь наконец устроилась на работу и ее жизнь только начинала налаживаться, они просто не могли больше быть для нее обузой.

Хайяо молчала, не зная, что сказать. Отец вытащил из кармана банковскую карту и пододвинул к ней по столу:

— Вот твоя зарплатная карта, которую ты отдала нам. Забери ее.

— Папа... — попыталась возразить Хайяо, но отец мягко прервал ее:

— В твоём возрасте девочки должны наряжаться и радоваться жизни. Купи себе красивую одежду, дочка. Не заставляй нас чувствовать себя еще более виноватыми перед тобой.

— Но ведь врачи ясно сказали, что этот год — ее единственный шанс! Если мы упустим время, то...

— М-м-м! — тихонько замычала вернувшаяся из кухни Момо. Она не могла говорить, но преданно протянула маме пиалу с рисом, а затем умоляюще посмотрела на сестру, беззвучно спрашивая, получит ли она еще немного рыбы.

Хайяо пришлось проглотить застрявшие в горле слова. Подавив подступившую к сердцу горечь, она ласково улыбнулась сестренке и положила очищенный кусочек рыбы в ее тарелку.

Момо в ответ подняла руки над головой и сложила пальцы сердечком. Этот трогательный жест заставил всю семью улыбнуться сквозь невидимые слезы.

Хайяо тоже улыбалась, хотя ее сердце обливалось кровью от невыносимой боли.

После обеда Хайяо спустилась во двор и, спрятавшись в тени деревьев, набрала номер Цинь Цинь.

Мать ответила далеко не сразу, и ее голос так и сочился раздражением:

— Зачем звонишь посреди дня? Кажется, я ясно дала понять: не связывайся со мной без веского повода.

Хайяо замялась, а затем тихо, почти шепотом произнесла:

— Прости, мам. Я не хотела тебя беспокоить... Мне просто очень нужны деньги.

Момо потеряла голос всего год назад. Врачи в один голос твердили, что восстановить связки можно только в первые два года. Этот год — последний. Хайяо не могла смириться с тем, что ее маленькая, невинная сестра навсегда останется в безмолвном мире. Ее жизнь ведь только начинается.

Цинь Цинь презрительно фыркнула на том конце провода:

— Опять на лечение твоей немой сестрицы?

Хайяо промолчала, сжав свободную руку в кулак.

— Сяо Хай, ты, похоже, совсем позабыла, — вкрадчиво и холодно продолжила Цинь Цинь. —

Из-за кого ты с малых лет вынуждена жить в чужом доме? Кто лишил тебя нормального детства и заставил пройти через все это?

Хайяо до боли закусил губу.

— Ну? — голос матери стал еще ледянее.

Девушка прикрыла глаза, чувствуя, как внутри все сжимается от боли:

— Семья Жуань.

Удовлетворенная ответом, Цинь Цинь тем не менее осталась безразлична:

— Ты ведь каждый вечер видишься с Жуань Ихань. Для нее сто тысяч юаней — копейки, которые она спускает за один вечер в клубе. Почему бы тебе не попросить у нее?

Вечером Хайяо приехала к Жуаням несколько позже обычного.

Старая госпожа уже спала. В последнее время, с тех пор как Ихань возглавила корпорацию, бабушка усердно обучала внуку тонкостям ведения бизнеса. Раньше Ихань при одном упоминании деловых отчетов начинала капризничать и прогонять старушку, но теперь, хоть и без особого восторга, безропотно слушала ее наставления.

Усиленные дневные беседы измотали пожилую женщину, но даже сквозь усталость она не забыла приготовить для доктора Цинь тарелку сочного, нарезанного спелого арбуза. Напоследок она строго наказала внучке: «Угости ее, как только придет».

Разумеется, Ихань и ухом не повела. Стоило бабушке скрыться за дверью спальни, как спелые дольки арбуза отправились напрямиком в мусорное ведро.

Когда раздался звон колокольчика, Ихань распахнула дверь и замерла на пороге, окинув вошедшую ледяным, колющим взглядом:

— Ты опоздала.

Свет прихожей выхватил бледное, изможденное лицо Хайяо. Она виновато кивнула:

— Прости.

Ихань пристально вглядывалась в ее покрасневшие, припухшие глаза. Спустя мгновение она резко спросила:

— Ты что... пила?

<http://bllate.org/book/20651/2123072>